

Месяц театра, который вот уже в 24-й раз проводится в нашей республике, — событие не только для профессиональных сценических коллективов, но и для зрителей, а также для тех, кто свободное свое время посвящает преданному служению Мельпомене...

Мы так привыкли к тому, что март — месяц театральный, что воспринимаем его уже как «время года». А гости Эстонии, меж тем, сначала очень удивляются: а какая в нем необходимость? Но удивление проходит: театр в призме времени — это интересно каждому.

Театральный сезон

ВОПРОСЫ ДЕМОКРАТИИ НЕ ТАК ПРОСТЫ

Чтобы ответить на вопрос, что особенного происходит в этом сезоне, в театры ходить не обязательно. Это знает каждый, кто внимательно читает газеты и журналы: идет эксперимент. А вот что конкретно этот эксперимент даст сценическим коллективам и зрителям — на этот вопрос теоретически, не заходя в театр, уже не ответишь. Только на месте можно оценить, как на практике выражается возросшая заинтересованность театра в том, чтобы зрительный зал был заполнен каждый день. Выросло количество спектаклей, играемых на стационаре, — первое, что бросается в глаза. И даже на только что закончившемся V республиканском фестивале актеры разных театров не могли оставаться в Тарту

на следующий после спектакля день, чтобы участвовать в обсуждении в полном составе, — эксперимент, нельзя, чтобы дома пустовала сцена. Кстати, на встрече тартусцев с главными режиссерами и художественными руководителями республиканских театров по эксперименту было задано немало вопросов, и речь шла не только о его пользе для зрителей, но и о его полезности для театров.

Как, например, условия эксперимента повлияли на текущий сезон такого успешно работающего театра, как вильяндиский «Угала»? Этот вопрос адресован художественному руководителю театра Яаку АЛЛИКУ.

— Эксперимент дает возможность укрепить материальную базу театра. Укрепить — в том смысле, что можно варьировать цены на билеты: если какой-то спектакль пользуется большим успехом, мы имеем право продавать на него билеты подороже. А за счет этого увеличили плату артистам. Теперь нам такое право дано — можно доплачивать артистам до 50 процентов оклада. Значит, установлена прямая зависимость — если зал каждый день полон зрителей, то полна и касса театра, а следовательно, увеличиваются и доходы актеров. Наш город небольшой, возможности зарабатывать на стороне — на радио, телевидении, в концертах — у наших актеров практически нет, следовательно, мы, руководству театра, и должны позаботиться об их зарплатах.

— А конкретно? Не могли бы вы назвать цифры?

— Могу и цифры назвать. Например, за прошлый месяц худсовет утвердил доплату артистам в зависимости от количества сыгранных спектаклей и занятости в репетициях — от ноля до семидесяти рублей.

— То есть семьдесят рублей — это потолок доплаты?

— Пока да. Наше штатное расписание диктует и наши оклады. При этом не надо забывать, что даже при наивысшей сумме доплаты средний заработок актера в нашем театре не достигает среднего заработка рабочего.

— Вы сказали — доплаты утверждает худсовет. Какую роль играет он теперь в жизни театра?

— Очень большую. Ведь права худсоветов очень расширились, они теперь последняя инстанция при приемке спектакля, при выборе пьес к постановке. То есть от него зависит вся линия художественной политики театра. Тем более необходимо, чтобы в худсовет входили люди авторитетные, имеющие свою точку зрения и умеющие ее отстаивать, обладающие художественным вкусом; опытом и чувством нового.

— Как вы считаете, нет ли здесь противоречия: если теперь театры заинтересованы преимущественно в полном зале, то не возникнет ли резкий крен в сторону коммерческих поделок? Не будет ли предпочтение отдаваться тем пьесам, которые гарантируют массовый успех? Не отойдут ли на второй план такие первоочередной важности критерии, как художественный уровень, острота проблем, тонкость психологического анализа?

— Известное противоречие есть, но здесь-то и должны заявить о себе худсовет и руководство театра — ведь в связи с экспериментом идейно-художественные критерии не понизились.

Что касается «Угала», то мы никаких корректив в перспективный репертуарный план не вносили. И первый поставленный в условиях эксперимента спектакль — «Горе от ума» Грибоедова — коммерческой пьесой никак не назовешь.

— Классика в этом сезоне вообще преобладает на эстонской сцене.

— Это легко объяснить. Если несколько лет назад об-

щественной трибуной, где обсуждались все животрепещущие вопросы жизни, был театр, то теперь центр тяжести переместился на страницы газет и журналов. Театр не может соревноваться с газетами в оперативности, у него свое поле — осмысление злободневных проблем на глубинном уровне. Отсюда и обращение к классике. Конечно, есть и современные авторы, которых интересуют коренные вопросы человеческого бытия, но пьес таких пока не очень много, впрочем, хороших пьес всегда не хватало.

— В республике многие театры вошли в эксперимент естественно и легко, да и не было у нас никогда фактов такого грубого насилия над творческими планами коллективов, о которых приходится читать в центральных газетах.

— Думаю, что для нас эксперимент стал естественным продолжением каждодневной работы, а не революционным преобразованием. Но этот механизм еще далеко не совершенен, и в дальнейшем будет отрабатываться, особенно в связи с изменением общетеатральной картины, расширением прав Союза театральных деятелей.

— Вы член правления Союза театральных деятелей СССР?

— Да, и только что вернулся из Москвы, где обсуждался проект устава Союза театральных деятелей СССР. Там, в частности, предусмотрено, что все ключевые вопросы театральной жизни, в том числе и кадровые, будут решаться при прямом уча-

стии союза. Предусмотрена и отчетность руководителей коллективов любого ранга перед выборным органом союза. Исторический шаг — постановление ЦК КПСС и СМ СССР о творческих союзах и источниках их финансирования. Но ведь все это не только реальная власть — это и реальная, притом огромная ответственность. Необходимо предусмотреть и какой-то выход из сложных, конфликтных ситуаций, которых не так уж мало, — вспомним хотя бы, что происходит в таком известном и уважаемом театре, как МХАТ.

— И какой же выход?

— Пока только идея — создать при союзе конфликтную комиссию, которая будет разбираться в подобных ситуациях.

— Думаю, что без работы она не останется.

— И я того же мнения. Но это, в общем-то, и естественно. Вопросы демократии вообще не так просты, в том числе и театральной. Как правильно писал в «Литературной газете» Виктор Розов, в театре механическое большинство не есть проявление демократии.

— Такая комиссия будет образована и у нас в республике?

— Это покажет будущее. Осенью состоится съезд нашего Эстонского театрального общества, там и будут решаться все основные вопросы нашей театральной жизни.

Беседу вела
Этэри КЕКЕЛИДЗЕ.